

Вырезка из журнала

ОГОНЕК

№ 26... 27 ИЮН 1954

Еще недавно чукчи-оленьеводы строили из шкур свои жилища. Теперь чукотская детвора учится в светлых, просторных классах, живет в интернате при школе.

— Разрешите ответить! — говорит Катя Каленны. Она мечтает после школы поехать в Хабаровск, поступить в вуз или продолжать образование в Ленинградском университете.

На мысе Шмидта, у границы восточного и западного полушарий нашей планеты, стрелка на циферблате опережает московское время на десять часов. Но и сюда, на край земли, радио доносит бой кремлевских курантов. Телеграммы, поступающие на мыс со всех концов страны и уходящие отсюда, телеграфистка М. Н. Айнетдинова всегда датирует московским временем.

Голос Москвы звучит над бескрайними просторами Арктики. В счастливую советскую эпоху живет далекий заполярный край!

ТВОРЧЕСТВО

В. ГОРОДИНСКИЙ

«Материалы для жизни художника одни: его произведения», — говорил когда-то Одоевский. Это верно и в том смысле, что большой, настоящий художник настолько сливается со своим творчеством, настолько исчерпывает себя в своих творениях, что его личность как бы поглощается ими.

Творческая личность Шостаковича развивалась и развивается буквально на наших глазах; этот выдающийся музыкант рожден и воспитан советским народом, живет идеями и интересами нашего общества.

Дмитрий Шостакович родился в 1906 году и, стало быть, принадлежит к среднему поколению советских музыкантов. Тем не менее его творческий стаж уже весьма значителен, даже если датировать начало широкой известности появлением на свет его Первой симфонии, исполненной впервые в мае 1926 года. Однако написана симфония № 1 была в 1924—1925 годах, без малого тридцать лет тому назад, когда композитору было всего 18 лет. Но и симфония № 1 не была первым исполненным сочинением Д. Д. Шостаковича. Еще в 1922 году были созданы его «Три фантастических танца» для фортепиано, не забытые и до сих пор, хотя это в полном смысле слова юношеские произведения композитора. И все же первым зрелым произведением, в котором уже сказался художник огромного таланта и блистательного мастерства, явилась, конечно, симфония № 1, давно и прочно вошедшая в сокровищницу русской симфонической литературы и постоянно звучащая решительно на всех концертных эстрадах мира. Эта симфония выдержала самое опасное испытание для произведений искусства — испытание временем — и, за три без малого десятилетия не утратив свежести, яркости красок, в каждом новом исполнении открывает все новые стороны своей эстетической природы. И то, что ощущалось сначала только как влияние великих учителей и старших современников, как отголоски преклонения перед Чайковским, Римским-Корсаковым и Глазуновым, а отчасти и воздействия Скрябина, и то, что казалось дерзким вызовом академическим формам симфонического письма — каноническим, освященным привычкой и временем приемам, — все приобрело новый смысл и с ходом времени раскрыло свое действительное значение. Знаменитое положение, выдвинутое некогда Леонардо да Винчи: «Ты должен осмелиться нарушать правила не прежде, чем научившись в совершенстве следовать правилам», — становится очевидной истиной, когда анализи-

руешь партитуру Первой симфонии. Смелая речь композитора возмещает в ней о появлении нового движения в музыке, свидетельствуя в то же время о глубочайших, органически нерасторжимых связях художника с национальной русской музыкальной школой.

За три десятилетия, истекших со времени появления Первой симфонии, композитор написал много произведений, в том числе немало выдающихся, превосходящих по своему значению Первую симфонию. Да ведь и сама по себе цифра — 10 симфоний — весьма внушительна, если принять во внимание чрезвычайную сложность этой музыкальной формы. Из 10 симфоний, написанных до сих пор Шостаковичем, выделим Первую, Пятую, Шестую, Седьмую, Десятую, составляющие, на наш взгляд, венец современного симфонизма.

«Это прежде всего настоящая симфония, т. е. сочинение большой жизнеутверждающей идеи, глубокого эмоционально-философского содержания», — такими словами А. И. Хачатурян характеризует новую, Десятую симфонию Шостаковича, и эта характеристика, на наш взгляд, может быть полностью отнесена по крайней мере к Пятой, Шестой и Седьмой симфониям.

Мы останавливаемся здесь прежде всего на симфоническом творчестве Шостаковича, ибо он симфонист по преимуществу, по самому характеру музыкального мышления, несмотря на то, что сочиняет музыку всех родов и жанров, в том числе и камерно-инструментальную и даже песенную. Автор Седьмой симфонии, созданной в осажденном Ленинграде, — программного произведения, по определению самого композитора, навеянного грозными событиями 1941 года, — симфонии, которая, по крайней мере в своей первой части, по праву может считаться одним из самых выдающихся художественных памятников Великой Отечественной войны, — предстает перед нами как страстный патриот, для которого служение Родине и родному народу представляет основание и главную идею, одухотворяющую творчество. Но Седьмая симфония — в то же время явление широкого, интернационального значения. Сам композитор говорит, что он не ставил перед собой задачу натуралистического изображения военных действий и не сочинял батальной музыки. На самом деле в Седьмой симфонии нет ни пушечной канонады, ни пулеметной стрельбы. Но в ней пламенеет неукротимый дух народа, защищающего свою советскую Родину и тем самым сража-

ющегося за человечество, за свободу всего мира. И Седьмая симфония была услышана во всем мире — народы всех стран прислушивались к ее гневному и страстному звучанию. Это была музыка, которая сама стала оружием в великом сражении против врагов мира и человечества!

Если рассмотреть пройденный Шостаковичем артистический путь по главнейшим произведениям, определяющим облик композитора, можно увидеть, как шаг за шагом раскрывается перед нами принцип его творческой деятельности. О ней скажем словами Глинки: «...можно соединить требования искусства с требованиями века и, воспользовавшись усовершенствованием инструментов и исполнения, писать пьесы, равно доклады знатокам и простой публике...»

Это утверждение может показаться странным, так как Шостаковичу долгое время сопутствовала репутация композитора трудного, малодоступного непрофессиональным музыкантам. В действительности же эта репутация основывалась на нескольких неудачных произведениях прошлых лет, равно «недокладных» и знатокам и «простой публике». Между тем в своих лучших сочинениях, которые и определяют творческий облик художника, Шостакович уже давно вполне «докладен» самой широкой публике и горячо любим ею. Чем же другим можно объяснить то, что любой концерт из произведений Шостаковича или концерт, в котором исполняются отдельные его произведения, неизменно собирает массу слушателей, до отказа переполняющих самые большие концертные залы страны? Эта несомненно возрастающая популярность музыки Шостаковича объясняется чрезвычайно быстро растущей и все более усложняющейся в своих эстетических требованиях музыкальной культурой советского народа, который уже никак не является в этом отношении, как и во всех других, «простой публикой». Эта в высшей степени строгая и взыскательная публика отнюдь не проста... С другой стороны, сказывается и непрерывный творческий рост самого композитора, его движение к подлинной народности творчества, движение, которым, на наш взгляд, по крайней мере, со времени Пятой симфонии обозначено почти каждое новое произведение Шостаковича. По крайней мере, такими произведениями явились Пятая, Шестая и Седьмая симфонии, кантата-оратория «Песнь о лесах», произведение, расширяющее привычные представления о жанровых возможностях Шостаковича и вместе с последующим циклом хоров на слова русских революционных поэтов, а также кантатой «Над Родиной нашей солнце сияет» вносящее новые и очень важные черты в творчество композитора.

Когда в «Правде», в отчете о праздничном концерте для Юбилейной сессии Верховного Совета РСФСР, мы читаем, что «под сводами зала торжественно и величаво прозвучала кантата «Над Родиной нашей солнце сияет» Д. Шостаковича», мы не можем не радоваться новому успеху композитора в его непрестанном движении к народности.

Проявления творчества не изолированы друг от друга. И для

Шостаковича как для симфониста не безразличны его работы в области хоровой, или инструментально-камерной, или песенной музыки. В этом смысле, на наш взгляд, Десятая симфония — при всей несомненной ее сложности, при всем том, что она, как и многие другие произведения композитора, вызвала ожесточенные споры, — несет в себе подтверждение народности творчества Шостаковича. Симфония эта не имеет объявленной программы. Ее автор говорит, что он стремился выразить мысли и переживания наших современников, людей, горячо любящих мир, борющихся против военных угроз, видящих призвание человека на земле в том, чтобы созидать, строить, но не разрушать. «Любовь и стремление к миру», — говорит Д. Шостакович, — это не идиллическое созерцание и пассивное ожидание благодатной тишины и спокойствия. Стремление к миру, любовь к человечеству, к его великой культуре — это труд, творчество, борьба. Любовь к делу мира — это значит любовь и преданность своему народу, своей Родине и одновременно — глубокое уважение к национальным чувствам всех других народов, к передовой гуманистической культуре человечества».

В Десятой симфонии есть и потрясающий драматизм и ощущение глубочайшего страдания, но там, где звучат темы страстной печали, они или переходят в музыку просветления или обрамляются полными надежды и жизни оптимистическими мотивами. С поразительной силой и ясностью выразил Шостакович в своей Десятой симфонии великое стремление к миру, активную, страстную, самоотверженную борьбу против злых сил, готовящихся взорвать мир. В новой симфонии Шостаковича звучат и великая ненависть к людям, грезящим об убийствах, и великая любовь к людям, борющимся за мир, и великая вера в то, что настанет время, когда на земле никто не будет страшиться за жизнь и счастье своих детей.

Удачи в искусстве также не бывают игрой слепого случая, как и неудачи. «Чем выше поэт, тем больше принадлежит он обществу, среди которого он родился, тем теснее связано развитие, направление и даже характер его таланта с историческим развитием общества», — писал некогда Белинский. В музыке действует тот же непреложный закон. Когда поэт отклоняется от магистрального пути, которым следует его общество, когда он ослабляет связи с ним, он неизменно терпит творческие поражения. Так бывало и с Шостаковичем. Нет нужды говорить о том, что это этап давно пройденный. Заметим только, что самому Шостаковичу огромную пользу принесла нелিপеприятная критика, указавшая художнику другой, верный путь, путь социалистического реализма в музыке.

С годами творчество Шостаковича становится все многообразнее. Вот перед нами тетради, заключающие в себе изданные в 1952 году 24 прелюдии и фуги для фортепиано. Этот труд композитора написан под впечатлением поездки в Лейпциг на баховские юбилейные торжества в 1950 году. Цикл прелюдий и фуг Шостаковича принадлежит к числу очень немногих и редких по своей смелости попыток так или иначе повторить исторический подвиг Иоганна-Себастьяна Баха, создавшего из 48 прелюдий и фуг (по две на каждую тональность) знаменитый цикл «Хорошо темперированный клавир». И эта работа Шостаковича вызвала жаркие споры, но вряд ли кто-либо может отрицать, что композитор сделал здесь ценнейший вклад в советскую фортепианную литературу (нужно сознаться, еще не слишком богатую). Но, разумеется, не только фортепианную. Среди прелюдий и фуг Шостаковича есть произведения различного достоинства, но, за немногими исключениями, они восхищают нас строгостью и стройностью замысла, блестящим мастерством полифонического

письма, замечательной законностью формы. Какой блистательный, какой огромный путь пролан мастером! Пусть не все оно пока хорошо в прелюдиях и фугах Шостаковича, но к лучшему, что здесь имеется, композитор пришел через творческий опыт создания фортепианного квинтета, удостоенного в свое время Сталинской премии, чораторию «Песнь о лесах», великопное фортепианное трио и многое другое... И здесь нельзя сказать об универсальности творчества Д. Шостаковича. Симфонист, который естественно непринужденно «мыслит оркестром», является и тончайшим мастером камерно-инструментальной формы: недавно исполненный 4-й струнный квартет Шостаковича являет собой образец чистого графического изящества линии. Но, и покидая сферу академической музыки, обращаясь к массовым формам музицирования, Шостакович и здесь остается та же блистательным мастером. Наша страна знает песни Шостаковича из фильмов «Встречный» («Утро встречает прохладой»), «Злые горы», «Встреча на Эльбе», прелестную песенку «Фонарик». Широко известна музыка к фильму «Молодая гвардия».

Шостакович — народный артист в самом полном смысле этого слова. Примечательно, что каждая художественно-творческая деятельность композитора сопровождается у него с такой же кипучей общественной деятельностью. Шостакович принадлежит к числу виднейших борцов за мир, и сторона его деятельности получила наивысшую оценку: за выдающийся творческий вклад в дело мира и дружбы между народами композитор удостоен Международной премии мира. Шостакович несколько не оракул. Этот большой художник предчувствовал, как он сам сказал в своей речи на Втором Всемирном конгрессе сторонников мира, и говорил «со всеми людьми через посредство партитуры, рояля и оркестра». Но совесть велит ему в иных случаях «говорить не нотами, а словами». И композитор, когда нужно, находит эти слова в исполненных гнева, то пропитанных горьким ядом сарказма, иронией, разящей врагов мира. Не случайно имя Шостаковича вызывает беспокойство и враждебную подозрительность у правящих кругов капиталистических стран. Правительство США в свое время предложило Шостаковичу покинуть пределы страны и тем лишило американцев возможности слышать в концертах и виде «живого Шостаковича», чрезвычайно популярного в Америке композитора. Английское правительство не дало визы Шостаковичу на поездку в Шеффилд для выступления по приглашению Британской радиовещательной корпорации перед английскими радиослушателями. По ироническому замечанию композитор английского правительства решил не делать различия между Шостаковичем — делегатом Всемирного конгресса мира — и Шостаковичем — композитором. «Правда», заключает композитор, — оба эти Шостаковича хотят служить делу мира. Они и служат миру со всей страстностью и самоотверженностью советского человека и патриота, художника-гражданина, воспитанного в Советской стране.

Группа деятелей английской и советской музыки. Слева направо — музыкальный директор телевизионной службы английских радиовещательных корпораций К. Райт, советский музыковед Г. Шнеерсон, редактор английского журнала «Музыка и музыканты» И. Синиор и композитор Д. Шостакович.

Фото А. Батанова (ТАСС).

Композитор Дмитрий Дмитриевич Шостакович.

Фото Е. Умнова.